

Дневник Хибики:

Прекрасно, просто замечательно. Похоже, Асахина навсегда останется в моем словаре с клеймом жиголо, которое уже ничем не оттереть.

И это даже хорошо. Когда он в будущем решит признаться Эме в любви и придет ко мне просить благословения, я смогу вывалить на него этот аргумент прямо в лицо.

Кстати говоря, сегодня дома снова столкнулся с Футо. Этот мелкий засранец как раз слушал музыку. Редко увидишь его таким серьезным, смотрелся он вполне сносно. Ладно, я ни за что не признаюсь, что лишь из-за удачного места и подходящей атмосферы согласился сидеть с этим невыносимым ребенком под большим деревом и слушать альбом какой-то певицы через одни наушники на двоих!

Впрочем, песни у этой девушки и правда отличные. Хм, как там ее? Рикка-го?

P.S. Главный Бог, твоему навигатору нужно обновление, я заблудился.

P.P.S. Хватит ворчать! Я же сказал: хоть с чувством направления у меня и не очень, но я точно не топографический кретин, это определенно твое кривое приложение виновато!

Этот визит к классному руководителю стал настоящим кошмаром. Вся встреча превратилась в бесконечный поток слов: учительница рассыпалась в комплиментах, нахваливая Хибики и Эму.

Глядя на не сходящий с лица преподавательницы румянец, Хибики окончательно убедился, что профессия жиголо — дело весьма перспективное. Пожалуй, если бы он не был сейчас в роли опекуна, она бы наверняка не удержалась и попыталась сунуть ему в карман десятитысячную купюру в качестве чаевых.

Окей!

Юскэ явно думал о том же: парень уже не мог выносить этого пятистороннего совещания. Хибики молча мысленно похвалил его, а затем, сохраняя каменное лицо, окончательно ушел в себя.

Когда это небольшое собрание наконец завершилось, Укё повез всех троих домой.

Хибики сидел на переднем пассажирском сиденье, Эма и Юскэ — сзади.

Хибики смотрел в зеркало заднего вида, где на удачу болтался маленький изящный амулет, едва заметно покачиваясь при движении машины.

— Младшему брату нравится? — Укё не поворачивал головы, глядя строго на дорогу.

Хибики кивнул. Он не был против традиций: в конце концов, именно благодаря культуре дикие звери когда-то научились пользоваться палочками для еды. Ну, и ножами с вилками тоже.

— Скоро свадьба Мивы и Ринтаро, может, после нее съездим в храм, где я работаю? — предложил Укё с улыбкой. — Там гадания очень точные.

Хибики помедлил, а затем поправил его:

— Не стоит использовать слово съездим развлечься.

— ... — Юскэ отвернулся к окну.

Эма нервно теребила край юбки.

Укё тоже замолчал на секунду, а потом вдруг рассмеялся:

— Верно. Слово развлечься звучит как святотатство перед лицом Будды. Младший брат на удивление серьезен.

— Разумеется, — невозмутимо ответил Хибики.

Вернувшись домой, Хибики решил немного прогуляться во дворе. Он заметил то самое огромное дерево — его крона была видна даже из гостиной на пятом этаже. Сейчас, купаясь в оранжево-красных лучах заката, дерево на фоне неба выглядело как идеальный пейзаж для картины.

Хибики моргнул, но все же вернулся в комнату. Когда он вышел обратно, в руках у него были мольберт, бумага и прочие художественные принадлежности.

Весь этот инвентарь был любезно предоставлен Главным Богом — как подарок, который Хибики выбил после долгих уговоров.

Проще говоря, мольберт синхронизировался с ноутбуком: рисунок в реальном времени передавался на устройство и сохранялся там. Теперь Хибики не нужно было переживать о том, где хранить огромные полотна.

Тащить кучу вещей во двор было непросто, но когда в голове пылает энтузиазм, на такие мелочи не обращаешь внимания.

Установив мольберт, Хибики долго смотрел на открывшийся вид, прежде чем коснуться карандашом бумаги, тщательно и осторожно намечая контуры.

На такую работу уйдут дни.

Хибики молча водил кистью. Он не был мастером пейзажей — его стихией были люди, будь то трехмерные или рисованные персонажи. Именно поэтому его фанарт всегда получал столько похвал.

Но такая красота требовала запечатления, хотя он чувствовал, что что-то не так.

— Что ты здесь делаешь? — чья-то фигура возникла против солнца.

Хибики по голосу сразу узнал, кто это. В конце концов, хозяин голоса не был его любимчиком. Он не поднял головы, продолжая рисовать.

Футо обошел его и, взглянув на набросок, неожиданно воздержался от сарказма, лишь негромко произнес:

— Неплохо.

Хибики по-прежнему не смотрел на него:

— Спасибо.

— Я не хочу с тобой ссориться, — Футо склонил голову набок. — Укё-сан и так уже прожужжал мне все уши.

Хибики отложил кисть:

— Я тоже не хочу. Просто не обижай Эму.

Футо издал короткий смешок и вдруг вытащил из кармана МРЗ-плеер:

— Звук здесь неплохой. Хочешь послушать?

Хибики наконец поднял взгляд. В глазах парня не было ни тени насмешки, хотя именно с таким выражением он не раз обводил вокруг пальца Эму.

— Чего ты, не веришь мне? Или не хочешь мириться? — уголок рта Футо приподнялся в ироничной усмешке. — На самом деле мне самому это не по душе, но я не хочу больше слушать нотации Укё-сана. Да и ты ведь не хочешь, чтобы моя дорогая сестрица переживала, верно?

Хибики моргнул и указал на дерево:

— Тогда пошли туда.

Футо приподнял бровь, но возражать не стал. Так двое упрямцев оказались под сенью дерева. Хибики вставил один наушник, Футо нажал на кнопку плеера.

Это было неожиданно. Пела девушка, в ее голосе слышалась юношеская невинность, но ноты были высокими и чистыми — совсем не похоже на привычный для Японии тихий шепот. Песня звучала так искренне, что тяжесть, скопившаяся в груди, словно испарилась.

Хибики повернулся к Футо, прислонившемуся к стволу. Парень закрыл глаза, полностью погрузившись в музыку.

Хибики внимательно всмотрелся в лицо подростка. На фоне заката этот жесткий, вредный мальчишка внезапно показался ему почти ангелом.

Хибики дернулся, чтобы что-то сделать, но замер. Он поднял голову, глядя на полыхающее багровое небо, тихо выдохнул и медленно прикрыл глаза.

Футо в этот момент открыл глаза, мельком взглянул на Хибики, затем перевел взгляд на окно четвертого этажа, где шторы, кажется, были задернуты не до конца. Футо опустил глаза и едва заметно улыбнулся.